

Козлова Ольга Валерьевна

РОССИЯ И ЕВРОПА В ДИСКУССИИ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ XIX ВЕКА

Статья посвящена рассмотрению проблем адаптации достижений европейского общества к российской действительности XIX в. На примере творчества П. Я. Чаадаева и К. Д. Кавелина показано сочетание идей о реформаторстве и свободе с консервативными представлениями о значимости патриархальных устоев и преемственности в истории России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-1/17.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. I. С. 67-71. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47)

Статья посвящена рассмотрению проблем адаптации достижений европейского общества к российской действительности XIX в. На примере творчества П. Я. Чаадаева и К. Д. Кавелина показано сочетание идей о реформаторстве и свободе с консервативными представлениями о значимости патриархальных устоев и преемственности в истории России.

Ключевые слова и фразы: либерализм; западничество; славянофильство; реформаторство; бюрократия; самодержавие; рационализм; позитивизм; протолиберальный период.

Ольга Валерьевна Козлова, к. филос. н., доцент
Кафедра средневековой и новой истории
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Ol_v_k@mail.ru

РОССИЯ И ЕВРОПА В ДИСКУССИИ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ XIX ВЕКА[®]

Важную проблему при изучении российского либерализма, особенно на стадии его зарождения, формирования основ политико-правовой доктрины, представляет определение его места в системе общественного мировоззрения. В доктрине российских либералов сочетались идеи о реформаторстве и свободе с консервативными представлениями о сильной власти, сохранении порядка и преемственности в развитии страны. Для российского либерализма было свойственно адаптировать европейский либерализм к российской действительности, но не предполагалось заимствования, копирования. Поэтому главным для российских либералов было осмысление европейских идеалов классического либерализма и создание на этой основе собственной либеральной доктрины. В этом плане первая половина XIX века может быть представлена как протолиберальный период, «когда предварительно происходило формирование отдельных идей либерализма, когда еще о целостности идейного течения не могло быть и речи» [2, с. 495].

Идеи первых русских либералов П. Я. Чаадаева, Т. Н. Грановского, А. И. Тургенева, К. Д. Кавелина, П. В. Анненкова и многих других, их представления о будущем России, ее общественном устройстве не имели широкого распространения. Л. И. Новикова и И. Н. Сиземская считают, что «как идейное течение русский либерализм сформировался в полемике западников и славянофилов, в атмосфере обозначившегося кризиса романтически спекулятивных построений славянофильства и общего увлечения интеллектуальной молодежи гегелевским рационализмом и начинающим входить в моду позитивизмом» [Там же].

Российские либералы, понимая необходимость преобразований, их неизбежность, тем не менее, не видели другой силы, кроме самодержавия, способной их осуществить. Правящая аристократия полагала, что европейский либерализм в небольших дозах, распространяемый под контролем верховной власти, будет способствовать улучшению политического имиджа России в Европе. На это обстоятельство обращали внимание С. С. Секиринский и В. В. Шелохаев: «Ставка на самодержавную власть - отличительная черта большинства российских либералов в XIX в. Предел их политических ожиданий - законосоветательное представительство при абсолютном монархе. Но и эту ведущую меру российского либерализма К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин рассматривали как несвоевременную в условиях преобразований, обостривших межсословные противоречия в русском обществе. Воплощением их теоретических представлений и политических пожеланий была либеральная бюрократия, сочетавшая в своей деятельности тенденции к институционализации независимой гражданственности со стремлением к самовоспроизводству, казенный патернализм и умеренный либерализм» [6, с. 6].

Хотя С. С. Секиринский и В. В. Шелохаев рассматривают ориентацию ранних российских либералов на самодержавие и служилую бюрократию как слабость, ограниченность российского либерализма, следует отметить, что в этом, скорее, проявился их здравый смысл и дальновидность. Иной силы, кроме самодержавия, способной начать либеральные преобразования в стране, попросту не было, а служилая элита являлась единственной реальной силой, способной не только осознать, но и осуществлять либеральные преобразования в стране.

Трудность адаптации идей либерализма на русской почве вынуждает нас обратиться к исследованию причин исторической задержки появления и развития либерализма в России. Однако если противопоставлять развитие Европы и России, то можно отметить, что развитие промышленности и науки в нашей стране осуществлялось на фоне сохраняющегося деспотизма верховной власти и при существовании крепостнических отношений, в то время как на Западе это развитие сопровождалось либерализацией общества.

Размышления о судьбе России являются важнейшими идеями философических писем П. Я. Чаадаева. «Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации, - пишет Чаадаев, - состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни Западу, ни Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем

остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия. Впрочем, то, что издавна составляет самую суть общества и жизни, для нас еще только теория и умозрение» [7, с. 323].

Подобные мысли высказывал и К. Д. Кавелин. По его мнению, Россия и Европа, находясь на одном материке, постоянно избегали всякого близкого соприкосновения. «Европа об нас ничего не знала и знать не хотела, и мы не хотели знать об Европе. Были встречи, но редкие, какие-то официальные, недоверчивые, слишком натянутые, чтоб произвести действительное сближение. Еще и теперь, когда многое переменялось, Европа больше знает какие-нибудь Карибские острова, чем Россию» [3, с. 11].

К. Д. Кавелин отмечает, что с XVIII века отчуждение России, холодность к Европе вдруг совершенно исчезают и заменяются глубокой симпатией. «Так же ревностно принялись мы отказываться от своего и принимать чужое, европейское, как прежде отказывались от чужого и держались своего. Наши старинные обычаев, природного языка, самого имени мы стали стыдиться. Близорукие видели в этом отступничестве какое-то непростительное легкомыслие, невыполнимое желание переменить свою национальность на чужую» [Там же, с. 12].

По мнению К. Д. Кавелина, если бы каждый по мере сил вносил во все тайные углы России столько просвещения, справедливости и свободы, сколько это допускается законом, «если бы он в то же время старался о постепенном расширении самого законодательства, а оно по необходимости должно бы расширяться под влиянием тепла, производимого умножившимся светом, то со временем все углы нашего милого, но темного отечества были бы свободны и просвещены, то есть Россия была бы неузнаваема и цель социалистов достигнута» [Там же, с. 429]. При этом он отмечает, что каждая эпоха в истории может дать именно столько счастья и свободы, сколько люди этой эпохи могут принять.

С другой стороны, П. Я. Чаадаев указывает на то, что мы, напротив, не имели ничего подобного. «Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, - вот печальная история нашей юности. Поры бьющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа - ничего подобного у нас не было. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была наполнена тусклым и мрачным существованием без силы, без энергии, одушевляемым только злодеяниями и смягчаемым только рабством. Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и Вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почетного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно» [7, с. 324-325].

Т. Н. Грановский пишет о том, что последние 60 лет европейской истории более поясняют древнюю историю, чем все исследования философов, устранившихся от влияния современной жизни, и каждый момент современности, понятый человеком с историческим смыслом, имеет влияние на понимание древней жизни человечества. «Здесь нам, русским, открывается великое и прекрасное поле: устранные от движения, которое захватило все народы, бросив их на пути, тогда как конец далеко не виден, устранные от этого движения, мы стоим на пороге Европы наблюдателями, и притом не праздными; движения европейской жизни находят отголоски и у нас, мы стараемся понять их и из них извлечь поучительный пример, в чем и состоит собственно русское воззрение на историю» [1, с. 240-241].

Следовательно, Грановский считает, что позиция русского человека как наблюдателя европейской драмы более выгодна, чем позиция самого участника событий. Поэтому, по Грановскому, у русского человека есть возможность проанализировать все положительные и отрицательные стороны европейского просвещения и решить, стоит ли России повторять западноевропейский путь без корректив.

П. Я. Чаадаев указывает, исходя из этого, на то, что русские живут лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. Чаадаев убежден, что настоящее развитие человеческого существа в обществе еще не началось для народа, пока жизнь не стала в нем более упорядоченной, более легкой, более приятной, чем в неопределенности первой поры. Пока общества еще колеблются без убеждений и без правил даже в повседневных делах и жизнь еще совершенно не упорядочена, как можно ожидать созревания в них зачатков добра? Так ставит вопрос мыслитель и отвечает: «Пока это все еще хаотическое брожение предметов нравственного мира, подобное тем переворотам в истории земли, которые предшествовали современному состоянию нашей планеты в ее теперешнем виде. Мы до сих пор еще в таком положении» [7, с. 325].

К. Д. Кавелин отмечает, что образованный слой русского общества продолжает по-старому воспринимать чужие мысли, действовать по чужим образцам. «Мы до сих пор едва догадываемся, что наши взгляды - выводы из чужой жизни, и добродушно принимаем их за результат самостоятельного нашего развития. Вот где источник наших внутренних противоречий и разлады. Не понимая себя и среды, к которой принадлежим, мы блуждаем в потемках, ходим ощупью, куда и как случится. Наша умственная и нравственная жизнь, не имея еще пока корней у себя дома, не имеет по тому же самому и никакого центра тяжести и носится в воздухе; при всем блеске наших природных особенностей она холодна, бесплодна и мертва. Она согреется, оживет и сделается плодотворной только с той минуты, когда опустится из неопределенной шири на русскую почву, прильнет к ней и будет из нее питаться» [3, с. 255]. Из этого он делает вывод о том, что уравновесить умственные и нравственные силы с действительностью, соединить в одно гармоничное целое жизнь и мысль может только глубокое изучение самих себя в настоящем и прошлом.

Обращаясь к истории своего народа, к истории России, Чаадаев с болью отмечает, что мы, явившись на свет как незаконно рожденные дети, без наследства, без связи с людьми, предшественниками нашими на земле, не храним в сердцах ничего из поучений, оставленных еще до нашего появления. «То, что у других

народов является просто привычкой, инстинктом, нам приходится вбивать в свои головы ударом молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно» [7, с. 326].

По мнению мыслителя, это естественное последствие заимствованной и подражательной культуры. Чаадаев считает, что у нас совсем нет внутреннего развития и естественного прогресса, так как «прежние идеи вымываются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, то есть по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставили самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего; все их знание поверхностно, вся их душа вне их. Таковы же и мы» [Там же].

Поэтому Чаадаев призывает к тому, чтобы каждый из нас сам пытался связать порванную нить родства с другими народами. По мнению Чаадаева, народы - существа нравственные, так же, как и отдельные личности; их воспитывают века, как людей - годы. В этой связи философ формулирует следующий тезис: «Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру» [Там же]. Но тем не менее Чаадаев уверен, что не пройдет без следа то наставление, которое нам суждено дать. Но кто знает день, когда мы вновь обретем себя среди человечества, и сколько бед испытаем мы до свершения наших судеб? Такой вопрос ставит Чаадаев.

П. Я. Чаадаев обращается к истории европейской цивилизации. «Народы Европы имеют общее лицо, семейное сходство. Несмотря на их разделение на ветви латинскую и тевтонскую, на южан и северян, существует общая связь, соединяющая их всех в одно целое, явная для всякого, кто углубляется в их общую историю» [Там же, с. 326-327]. Этой общей связью, соединяющей европейские народы, было, по Чаадаеву, с одной стороны - христианство, а с другой стороны - история и традиция, составляющие идейное наследие этих народов. Философ отмечает, что каждый европеец обладает своей долей общего наследия, «без труда, без напряжения подбирает в жизни рассеянные в обществе знания и пользуется ими» [Там же, с. 327].

Он указывает на то, что мысли о долге, справедливости, праве и порядке создали европейское общество, образуют составные элементы социального мира стран Европы. «Вот она, атмосфера Запада, это нечто большее, чем история или психология, это физиология европейского человека» [Там же]. России, по убеждению философа, как раз и не хватает сосредоточенности на каком-либо ряде идей, устойчивости, последовательности в уме и логике. «В лучших головах наших, - писал мыслитель, - есть нечто еще худшее, чем легковесность. Лучшие идеи, лишённые связи и последовательности, как бесплодные заблуждения, парализуются в нашем мозгу. В природе человека теряться, когда он не находит способа связаться с тем, что было до него и что будет после него; он тогда утрачивает всякую твердость, всякую уверенность; не руководимый ощущением непрерывной длительности, он чувствует себя заблудившимся в мире» [Там же, с. 328].

По мнению К. Д. Кавелина, принимая из Европы без критической проверки выводы, сделанные ею для себя из своей жизни, наблюдений и опытов, мы воображаем, будто имеем перед собой чистую, беспримесную научную истину, всеобщую, объективную и неизменную, и тем парализуем собственную свою деятельность в самом корне, прежде чем она успела начаться. Философ указывает, что еще недавно мы точно так же относились к европейским учреждениям, пока наконец с помощью опыта не убедились, что обычаи и учреждения везде и всегда носят на себе отпечаток страны, где они образовались, и следы ее истории.

К. Д. Кавелин указывает на то, что относительно науки русские далеко еще не успели разделиться со старым предрассудком и остаются в убеждении, что она составляет исключение из общего правила. «Отнесись мы к ней критически, мы тотчас же заметили бы, что она, как и все на свете, имеет свои особенности, что и она одностороння: одно оттеняет слишком ярко, на другое не обращает должного внимания; что она тоже имеет свои предубеждения и предрассудки» [3, с. 316]. Поэтому Кавелин заостряет свое внимание на том, что недостаток серьезной критики европейской науки и ее исторического развития мешает оценить как следует ее действительно сильные стороны. Великое значение европейской науки, по его мнению, заключается не в непогрешимости ее результатов, а в том, что она выросла и развилась из живых потребностей среды и времени, что она соответствует им и на них работает. «Оттого наука в Европе - народное дело, оттого она там и в великом почете» [Там же, с. 316-317].

Исходя из этого, Кавелин призывает к тому, чтобы по-новому рассмотреть отношения России и Европы. Поэтому, по мнению мыслителя, чтобы достигнуть в области науки и знания тех же результатов, что и европейцы, «нам не следует, как делали до сих пор, брать из Европы готовые результаты ее мышления, а надо создать у себя такое же отношение к знанию, к науке, какое существует там. В Европе наука служила и служит подготовкой и спутницей творческой деятельности человека в окружающей среде и над самим собой. Ту же роль должны мысль, наука играть и у нас; но для этого нам надо прежде всего критически взглянуть на результаты европейской мысли, доискаться до ее предпосылок, всюду подразумеваемых и нигде не выраженных. В них скрыта живая связь теоретических задач и практических потребностей» [Там же, с. 317].

Для К. Д. Кавелина главной задачей является уяснить себе таким путем историческую сторону европейской науки, этапы ее становления. «Убедившись в этом, мы освободимся от научного фетишизма, который подавляет у нас самостоятельное развитие науки и знания, и вынуждены будем, по примеру европейцев, вдуматься в источники зла, которое нас гложет. Тогда нетрудно будет указать и на средства, как его устранить

или ослабить» [Там же]. И именно такой путь, по мнению философа, будет европейским, и только когда мы на него ступим, зародится и у нас европейская наука, следовательно, и выводы знания перестанут у нас быть такими безрезультатными, а свяжутся, как в Европе, с решением важнейших вопросов. «Очень вероятно, что выводы эти будут иные, чем те, до каких додумалась Европа; но, несмотря на то, знание, наука будут у нас тогда несравненно более европейскими, чем теперь, когда мы без критики принимаем результаты исследований, сделанных в Европе» [Там же].

К. Д. Кавелин указывает также и на то, что предвидеть у нас другие выводы можно потому, что условия жизни и развития в Европе и в России совсем иные. В Европе, по мнению мыслителя, до совершенства выработана теория общего, отвлеченного, так как это было слабым местом для Европы. Для России слабость заключается в пассивности, стертости нравственной личности. Поэтому для России предстоит выработать теорию личного, индивидуального, личной самостоятельности и воли, считает философ. По мнению К. Д. Кавелина, в российской действительности все-таки наблюдаются и прогрессивные элементы: знание перестает быть делом одной любознательности, предметом приятной беседы, жизнь становится сложней, практические вопросы напрашиваются на практическое решение. «Мы тоже должны наконец так или иначе научиться самому тяжкому и мучительному делу из всех - серьезно и глубоко думать. Наступает время, когда мы должны будем перестать верить с чужого голоса, будто только и есть положительная наука, что математика и естествоведение с их прикладными техническими отраслями; что психическая, духовная сторона человека, которая теперь многим из нас представляется чем-то далеким, туманным и в сущности ненужным, на самом деле играет в практической жизни огромную роль и имеет на нее, конечно, не менее влияния, чем знание математики и материальных свойств тел» [Там же].

В этой связи П. Я. Чаадаев приходит к выводу о том, что русскому народу присущи беспечность жизни без опыта и предвидения, которая приводит к призрачному существованию личности. Такая личность, по мнению философа, оторвана от своей среды, не считается ни с честью, ни с какими-либо идеями или интересами, ни с родовым наследием, ни даже с предписаниями, определяющими общественную и частную жизнь. «В наших головах нет решительно ничего общего, все там обособлено и все там шатко и неполно. Я нахожу даже, что в нашем взгляде есть что-то до странности неопределенное, холодное, неуверенное, напоминающее отличие народов, стоящих на самых низших ступенях социальной лестницы» [7, с. 328].

П. Я. Чаадаев считает, что даже такое качество, как отвага, которое считается традиционно присущим русскому народу, лишается глубины и настойчивости. А качество терпимости к превратностям жизни, по мнению философа, вызывает равнодушие к добру и злу. И все это в конечном итоге приводит к «равнодушию ко всякой истине, ко всякой лжи, и именно это лишает нас тех сильных побуждений, которые направляют нас на путях к совершенствованию» [Там же, с. 328-329]. Вследствие такой «ленивой отваги», по Чаадаеву, даже высшие классы не свободны от пороков.

Таким образом, заключает Чаадаев, мы не имеем ни одного достоинства, отличающего зрелые и высококультурные народы. Но для того, чтобы составить суждение о народах, мыслитель призывает исследовать «общий дух, составляющий их сущность, ибо только этот общий дух способен вознести их к более совершенному нравственному состоянию и направить к бесконечному развитию» [Там же, с. 329]. П. Я. Чаадаев делает вывод о том, что «раскинувшись между двух великих держав мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны были сочетать в себе два великих начала духовной природы - воображение и разум и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара» [Там же].

Но Чаадаев считает, что провидение не предоставило нам эту роль, а предоставило нас всецело самим себе, не вмешиваясь в наши дела. «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекали для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь» [Там же, с. 330].

К. Д. Кавелин отмечает, что едва ли можно указать в целой истории другой пример подобного личного нравственного ничтожества при таком величавом государственном развитии. По мнению философа, в данный момент для современников оно пока еще заслонено переходом в новый период исторического существования, перестройкой нашего внутреннего быта. К. Д. Кавелин указывает также и на то, что, когда «уляжется эта временная сметливость и возбуждение, когда новые пути обозначатся яснее и мы опять станем лицом к лицу с самими собою в ежедневной будничной жизни, везде и всегда однообразной и прозаической, - нам придется серьезно и мучительно задуматься над нашей полной современной нравственной негодностью, при которой никакой правильный ежедневный быт, хотя бы самый неприхотливый, невозможен и немислим» [3, с. 288].

Философ считает, что в Западной Европе переходы из одной фазы исторического развития в другую обозначались усиленным движением умов, разгаром страстей, борьбой партий, нередко разрешавшейся междоусобиями или войнами. В этих порывах, по Кавелину, уносилось отжитое и зарождалось новое. Мыслитель отмечает, что в России ничего подобного у нас не происходило. «Когда по ходу вещей наступала пора сменить обветшалые формы, замечалось, что сложившиеся долгим временем привычки ослабевали и расшатывались;

но из-под них не прорывались ни бешеные страсти, ни непомерные притязания гордой мысли; вместо того сквозь трещины оседающего здания проступали плесень и гнилость, и их усиление служило предвестием, что будет перемена, что она близится» [Там же].

К. Д. Кавелин считает, что обе формулы исторического развития, в Европе и в России, имеют свои выгоды и свои неудобства. Глубокое их различие объясняется различной, здесь и там, ролью личности. В Европе история совершалась при деятельном участии личности, она внесла в ход истории свои взгляды, убеждения, страсти и произвол, считает философ. «Этот деятель - человеческая личность - так ярко выступает там в историческом движении, что с первого взгляда можно подумать, будто он один творит историю и нет других движущих ее пружин. У нас наоборот: лицо так ступшено, так бледно, таким является пассивным носителем истории, что можно подумать, будто сами элементы, сочетаясь между собою, без посредства лиц, по присущим им законам, необходимо и неизбежно, как природа, выводят одни за другими различные фазы исторического движения. Большинство людей, не участвуя деятельно в этом стихийном процессе, подчиняются ему, как судьбе, не отзываясь на него ни мыслью, ни сердцем» [Там же, с. 289].

Таким образом, согласно концепции Кавелина, вся разница Европы и России заключается только в предыдущих исторических эпохах, а цель, задачи, стремления и дальнейший путь - один. Поэтому философ считает, что России не следует бояться того, что Европа передаст ей свои отжившие формы, с одной стороны, и что Россия передаст Европе свои - древние, русские - с другой стороны. Философ считает, что «обновленные и вечно юные, они сами творят свои формы, не стесняясь предыдущим, думая только о настоящем и будущем» [Там же, с. 66]. П. Я. Чаадаев заключает, что западноевропейское общество двигалось вперед лишь под влиянием мысли и утверждалось на почве убеждений. «В этом обществе, - писал философ, - постоянно из убеждений создавались интересы, никогда интересы не вызывали убеждений. Все политические революции были там по существу революциями нравственными. Искали истину и нашли свободу и благоденствие. Только так объясняется исключительное явление нового общества и его цивилизация; иначе в нем ничего нельзя было понять» [7, с. 335].

Следовательно, заключает Чаадаев, можно сделать вывод о том, что все интересы европейских народов (материальные, положительные, личные) поглощались одним - убеждением. «И поэтому, невзирая на все незаконченное, порочное и преступное в европейском обществе, как оно сейчас сложилось, все же царство Божие в известном смысле в нем действительно осуществлено, потому что общество это содержит в себе начало бесконечного прогресса и обладает в зародыше и в элементах всем необходимым для его окончательного водворения в будущем на земле» [Там же, с. 336].

Таким образом, по мнению Чаадаева, мощные традиции, обширный опыт, глубокое осознание прошлого, прочные умственные навыки составляют нравственную природу народов Европы и дают им превосходство. Исходя из этого, мыслитель убежден, что задача российского общества заключается не в расширении уже имеющихся идей, а в том, чтобы исправить те, которыми мы обладаем, придать им новое направление.

Имена и труды П. Я. Чаадаева и К. Д. Кавелина объединяет, пожалуй, не только конкретное содержание их деятельности, но, прежде всего, их влияние на духовную жизнь русского образованного общества, а также на формирование культуры XIX в.

В заключение хочется отметить, что русские мыслители, пытаясь либо противопоставить Россию и Европе, либо найти общие основания их исторического развития, все-таки приходили к общему выводу о том, что в новый период истории Россия не сможет существовать изолированно от Запада.

Список литературы

1. Грановский Т. Н. Лекции по истории Средневековья. М.: Наука, 1986. 427 с.
2. Итенберг Б. С. Некоторые вопросы изучения русского либерализма XIX века // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: материалы международной конференции. М., 1999. С. 495.
3. Кавелин К. Д. Наш умственный строй: статьи по философии, русской истории и культуре. М.: Правда, 1989. 653 с.
4. Кавелин К. Д. Собр. соч.: в 4-х т. СПб., 1899.
5. Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 159.
6. Секиринский С. С., Шелохаев В. В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX - начало XX вв.). М., 1995. С. 6.
7. Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма: в 2-х т. М.: Наука, 1991. Т. 1.

RUSSIA AND EUROPE IN THE DISCUSSION OF RUSSIAN LIBERALS OF THE XIXTH CENTURY

Ol'ga Valer'evna Kozlova, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Medieval and New History
Yaroslavl' State University named after P. G. Demidov
Ol_v_k@mail.ru

The article is devoted to considering the problems of European society achievements adaptation to the Russian reality of the XIXth century. The author shows the combination of the ideas about reformism and freedom with the conservative ideas about the importance of patriarchal foundations and succession in the history of Russia by the example of P. Ya. Chaadaev and K. D. Kavelin's creative works.

Key words and phrases: liberalism; westernism; Slavophilism; reformism; bureaucracy; autocracy; rationalism; positivism; proto-liberal period.